

Опочецкий краевед

Издание краеведческого клуба «Отчий дом»
при Опочечком краеведческом музее

№ 5

Май

2020

К 75-летию Великой Победы

Июль 1941-го. Гибель танка КВ-1

В числе экспонатов Опочечского краеведческого музея, имеющих самое прямое отношение к Великой Отечественной войне, — тракт от гусеницы экранированного танка КВ-1, погибшего в бою на 21-м километре шоссе Опочка — Себеж, в районе деревни Заверняйка, 7 июля 1941 г.

Этот танк входил в состав нового батальона тяжелых танков 42-й танковой дивизии.

Командиром экипажа был Иван Ефимович Бережной, который, по собранным исследователями данным, в день боя не погиб. На броне своей машины он был ранен немецким автоматчиком и упал в кювет. Его нашли и вывели жители деревни Екимцево. Дальнейшая судьба Бережного неизвестна.

Его товарищи, члены экипажа танка, — механик-водитель Кузьма Кириллович Полещук, командир орудия Николай Александрович Сорокин, радист Михаил Ульянович Тарабрин, заряжающий Анатолий Елисеевич Белоконский — сделали попытку отремонтировать танк.

В архивах Министерства обороны С.А. Алексеевым была обнаружена запись о событиях 7 июля 1941 года.

«Танк КВ батальона КВ. 7 июля 1941 г. лопнул маслопровод. При восстановлении напала группа противника. Экипаж вёл бой. Место, где оставлена машина, — под Опочкой. Приведена ли машина в негодность — взорвана».

Информацию подписал начальник АТС 42-й танковой дивизии военный инженер 2-го ранга Бонштедт.

На основании фотографий этого КВ-1 военного времени, обнаруженных в Интернете, и воспоминаний старожилов псковские эксперты сделали вывод, что экипаж танка произвел самоподрыв в тот момент, когда на броне машины уже были вражеские солдаты.

Менее вероятно, что танкисты погибли от взрыва гранаты, брошенной немцами в открывшийся люк танка.

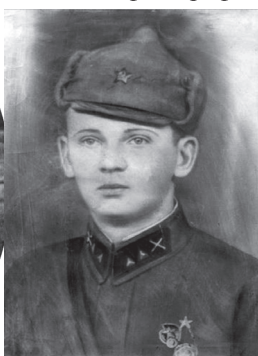
И.Е. Бережной

М.У. Тарабрин

Н.А. Сорокин

А.Е. Белоконский

В этом выпуске:

Конон Семёнович Родченко	2
Группа политрука Левинца. Пали в неравном бою	3
Материалы к истории землевладений дворян Ломаковых в Опочечском уезде (Продолжение).....	4
«Красили сию церковь...» (Окончание)	6
Мы были у Сталина	8
Великая Отечественная война и Опочка	11
«Люблю я чайки крик призывный...»	12

Рассказывают участники клуба «Отчий дом»

Конон Семёнович Родченко

Мой дедушка, Конон Семёнович Родченко, родился 10 февраля 1914 г. в с. Плющевка Сиротинского р-на Витебской обл. в рабоче-крестьянской многодетной семье.

В 1928 г. окончил 3 класса начальной школы, потом учился 2 года на тракториста. С переездом семьи в д. Фёдоровское (Опочецкий р-н, Псковская обл.) до Великой Отечественной войны Конон Семёнович работал в Варыгинском колхозе в животноводстве – рабочим, в полеводстве – трактористом.

В июне 1941 г. Конона Семёновича (ему было 27 лет) призвали в РККА. Его направили в резервный стрелковый полк рядовым, в действующую армию.

Дома у него осталась семья: жена Фитения Ивановна Родченко и двухлетний сын Олег.

Когда немцы оккупировали Опочечский р-н и захватили д. Фёдоровское, узнав, что Конон ушёл на фронт, они стали издеваться над маленьким сыном красноармейца и сбросили Олега (моего дядю) со 2-го этажа дома, в котором семья Родченко проживала на тот момент. Дядя Олег чудом остался жив и до конца своих дней

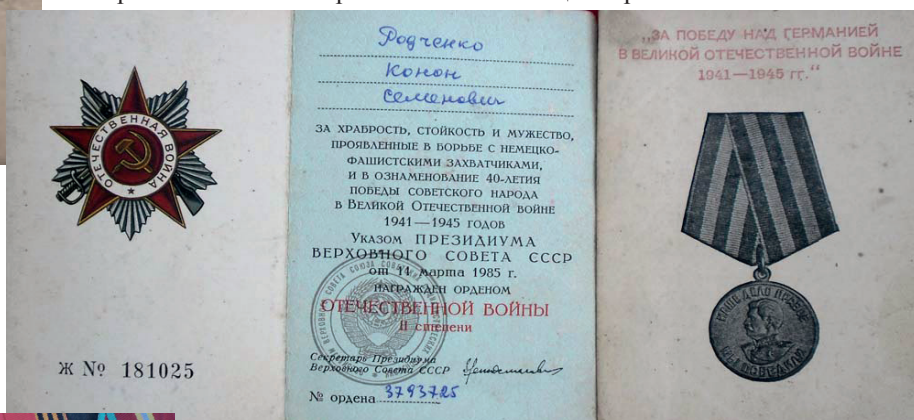
был инвалидом 1-й группы.

В годы войны Конон Семёнович получил осколочное ранение в голову и попал в госпиталь. После долгого лечения он при госпитале служил санитаром. Затем 6 сентября 1944 г. был призван Красногородским райвоенкоматом Великолукской обл. в 225-й запасной стрелковый полк – стрелком.

добрым и ответственным человеком. Мы с ним ходили рыбачить на реку Исса, драли лазу и сдавали в райпо. Также дедушка плёл корзинки и вёл домашнее хозяйство.

Умер Конон Семёнович 15 марта 1997 г. в д. Зуица (Варыгинская волость Опочечского р-на).

Похоронен на сельском кладбище в д. Бородино Варыгинской волости Опочечского р-на.

Потом его перевели в 336-й отдельный истребительный противотанковый дивизион до 25 февраля 1945 г.

С 25 февраля 1945 г. по 28 марта 1945 г. Конон служил при политотделе 25-й армии, в роте охраны, стрелком. Демобилизован на

основании указа Президиума Верховного Совета СССР от 23 марта 1946 г.

Особых наград у деда нет, но есть орден Отечественной войны 2-й степени и медаль «За Победу над Германией», а также юбилейные медали.

После войны Конон Семёнович вернулся в родную деревню Фёдоровское, где ждала его семья, и продолжил жить и трудиться на благо Родины.

В моих воспоминаниях дедушка Конон остался трудолюбивым,

Ему поставлен памятник от военкомата Опочечского, Красногородского и Себежского районов.

Фёдор АЛЕКСЕЕВ

Оборона Опочки в 1941 г.

Группа политрука Левинца. Пали в неравном бою

Политрук **Иван Поликарпович ЛЕВИНЕЦ**, секретарь партбюро 46-го мотострелкового полка, возглавлял группу из пяти красноармейцев 46-й танковой дивизии, державшую оборону в районе Опочечкой средней школы № 5.

О подвиге советских воинов рассказывали опочане мать и сын Пильщиковы Екатерина Матвеевна и Павел Тиханович.

Рассказ был записан руководителем группы «Поиск» средней школы № 3 Любовью Ивановной Козловой.

«Я, Пильщиков Павел Тиханович, 1930 года рождения, проживающий в городе Опочке по улице Красногородской в д. № 46, могу подтвердить следующее.

В первые дни войны хорошо запомнил бой на окраине Опочки, который вела с наступающими немцами небольшая группа наших бойцов. Особенно хорошо запомнил троих, т.к. они были рядом с нашим домом. Двое были у пушки, которая не стреляла, потому что нечем было: вместо снарядов рядом были ящики с гвоздями и мыло. Стреляли эти двое из винтовок, а один, тот, что помогал нам перебираться в окоп за школу, стрелял со второго этажа из окна.

Хорошо помню, что перед боем в наш дом заходил командир Красной

Армии и предупредил мою мать, что скоро здесь будет бой с врагом, который уже подходит к городу.

Утром, действительно, был бой, сильный и неравный, наши: герои бились до последнего. Немцы шли со стороны хлебного поля и огородов и никак не могли преодолеть открытое пространство, т.к. из здания школы по ним строчил наш пулемет. Много немцев было побито, солнце уже было на склоне дня, а пулеметчика никак не могли взять.

Потом немцы подтянули орудие и выстрелили из него по школе. Одним из выстрелов прямым попаданием был убит боец, который находился около нашего дома, один снаряд попал в угол школы, захватил край окна, из которого стрелял герой. Пулемет замолчал, а пулеметчика или выбросило волной, или сам он выпрыгнул из окна, но он побежал, падал, поднимался, опять бежал к дороге, где еще были бойцы. До дороги он добежал, скатился в кювет, но был вытащен немцами на штыках. Не знаю, был он еще жив или уже мертв, но враги били его ногами, кололи штыками в грудь, что-то кричали, а потом оставили в кювете, сами ушли.

Когда стемнело, жители дома № 31 по улице Красногородской (дед и его две сестры Новиковы) похоронили его в своем огороде».

Из воспоминаний Екатерины Матвеевны Пильщиковой, 1907 года рождения.

«Перед войной наш дом был самым крайним в городе Опочке по улице Красногородской. В первые дни войны, в июле, наши солдаты отступали из города, потрепанные уже в Латвии. Уезжало и местное население, т.к. был дан приказ эвакуироваться всем из города.

У меня было четверо детей, муж ушел на войну, я выехать не смогла.

За нашим домом был наблюдательный пункт или пост, там находился наш боец и сообщал вниз своим товарищам все, что он видит.

Вечером во двор ко мне прибежал

наш офицер и оказал, что в доме, да еще и с детьми, находиться нельзя, т.к. скоро здесь будет бой, поскольку немцы уже на подступах к городу. Сказал, что мы можем погибнуть. Он помог мне перенести детей за школу № 5 (теперь это школа-интернат), посадил в другой окоп, прикрытый сверху, и убежал. Приказал сидеть до тех пор, пока будет после боя совершенно тихо.

Мы долго сидели там, до утра. И вдруг, во сколько это было, я уже не помню, слышим, как наш наблюдатель закричал, что немцы в километрах двух от города.

Вскоре началось: стрельба, грохот, взрывы, земля дрожала. Из здания школы кто-то стрелял из пулемета без перерыва. Стрелял со второго этажа из окна школы. Стрелял долго-долго.

Нам-то не усидеть, хочется поглядеть, как там на улице, вот мы потихонечку и выглянули из окопа (немцев с нашей стороны не было).

Видим: немцев набито много, перевернуты мотоциклы. И вдруг выстрелили немцы из пушки, попали в школу, в то место, где сидел герой. То ли его волной выбросило, то ли он сам выпрыгнул из окна, когда нечем стало стрелять, но вижу: побежал наш герой к шоссе, к городу, бежит и стреляет из нагана. Немцы по нему стреляют, а он пригнется и опять бежит.

Узнала я, что это тот офицер, который помогал мне прятать детей.

Добежал он до мостика через дорогу и скатился в канаву под мостик.

Окружили немцы героя, вытащили его из-под мостика штыками, ногами бьют, стреляют в него, долго издевались над бедным смельчаком.

Вечером похоронили его Новиковы у себя в огороде.

К 20-летию со дня освобождения перезахоронили останки погибшего на Троицкое кладбище».

(Из книги С.А. АЛЕКСЕЕВА
«Опочка, 1941-й. Начало войны».
— Псков: Логос, 2018)

Материалы к истории землевладений дворян Ломаковых в Опочечком уезде

Продолжение. Начало в № 3–4

В 1675–1678 гг. Василий Иванович Ломаков проводил по указу царя и великого князя Федора Алексеевича от 16 августа 1714 года перепись всех обитателей пригорода Красного.

В документах о поместных вотчинных землях Акима Прокофьева сына Рокотова имеется упоминание, что женат он был на Аксенье Васильевой дочери Ломакова (7199 г. – 1691 г.), а тещей его была Марья Иванова дочь Васильевская жена Ломакова.

Среди каменных надгробий Псково-Печерского монастыря имеется надгробие (№ 203) Ломакова Ефрема Васильева сына, псковского помещика. Умер 23 августа 1694 г.

По переписи 1711 года мы видим в Терebenской губе *«За Прокофьем Ефремовым сыном Ламаковым ... что было написано по переписной книге 186-го году за Андреем Непейцыным ... деревня Смедеево 2 двора...»*

В Опочечком уезде на 1740-е гг. владения имели три сына Прокофия Ефремовича Ломакова. Как большой затейник он назвал их просто: Василий Большой, Василий Средний, Василий Меньшой. Как правило, в документах и метрических книгах указывалось только их имя, поэтому разобраться, кто есть кто, составляет большую проблему.

Судя по метрическим книгам Воскресенского и Старицкого погостов Опочечкого уезда в начале 1750-х гг. г-н фатермистер Василий Прокофьевич Средний владел селцом Наволок и деревнями Манушкина, Пздохина, Бурлова, Макариха, Иванцова, Лыткина, Бебекова Ильинской и Воскресенской губ, деревней Пыжева Терebenской губы.

По метрическим книгам Воскресенского погоста от Кудо записано под № 9 за 30 декабря 1753 года скончался *«Сельца Наволок помещик Василий Прокофьев сына Ломаков»* 43 лет.

В 1756–1757 гг. владелицей селца Наволок и деревень Сменова и

Пыжева Терebenской губы указывается вдова Екатерина Авдеевна Ломакова.

С 1759 г. владельцем деревень Лыткина, Анисимова, Вальково, Бурлаева, Иванцова, Манушкино Ильинской губы, Пыжева Терebenской губы пишется Петр Прокофьевич Ломаков. По сведениям о помещиках за 1756 г., Пётр Прокофьевич Ломаков, владел 101 ревизской душой, вероятно, не в Опочечком уезде. Теперь, после смерти брата, в его владения вошли и деревни Опочечкого уезда. Корнет Брауншвейгского полка (произведен из вахмистров 6.02.1741) Петр Ломаков упоминается в переписке знаменитого барона Мюнхгаузена (барон Иеронимус Карл Фридрих фон Мюнхгаузен).

Имения Петра Прокофьевича в Опочечком уезде, вероятно, достались в приданое его дочери Марфе Петровне, бывшей замужем за Алексеем Степановичем Валуевым. Похоже, Петр Прокофьевич являлся не единственным владельцем селца Наволок с деревнями, так как имеются сведения о выкупе Марфой Петровной Валуевой имения Опочечкой округи у своей тетки Дарьи Васильевны Алексеевой, возможно, дочери Василия Прокофьевича Среднего, но есть упоминания что жена Петра Прокофьевича была урожденная Алексеева.

«№ 41. Надворный советник Алексей Степанов сын Валуев жена его Марфа Петрова доч Ломакова приобрела у своей родной тётки девицы Дарьи майорской Васильевой дочери Иванова сына Алексеева состоящее псковского наместничества Опочечкой округи имение».

Алексей Степанович Валуев был третьим сыном генерал-майора инженера-картографа Степана Мироновича Валуева, помещика с. Жеребцова Островского уезда, величественный усадебный дом которого сохранился, но стремительно разрушается. Старший брат Алексея, Михаил, погиб в 1771 г. году при взятии Бендер.

Наиболее известным стал средний брат – Петр Степанович

Валуев (1743–1814). С 1759 г. он начинает придворную службу: в чине унтер-офицера состоит ординарцем при великом князе Петре Федоровиче. После прихода к власти Екатерины II многие приближенные Петра III были удалены от двора. В 1763 г. Валуев, в чине поручика, был отправлен в качестве кавалера посольства в Варшаву и исполнял в Польше различные поручения «как военного, так и политического свойства».

В период с 1769 по 1771 г. П.С. Валуев участвовал в боевых действиях русского флота против турок и был возведен в чин капитана. В 1772 г. Валуев пожалован в камер-юнкеры и возвращается на службу в придворное ведомство. В том же 1772 г. женился на дочери статского советника Александра Родионовича Кошелева, Дарье, имевшей большие родственные связи при дворе. Александр Кошелев был помещиком Пусторжевского уезда с-ца Дубровы, но владел несколькими деревнями и в Опочечком уезде, в т.ч. д. Высоцкое. Семейная жизнь П.С. Валуева сложилась удачно, в браке с Дарьей Александровной он имел четырех сыновей и пять дочерей. В 1779 г. он пожалован в камергеры, в 1791-м произведен в тайные советники, в 1793 г. назначен обер-церемониймейстером. В 1796 г. в качестве обер-церемониймейстера он участвует в организации коронации и перезахоронении Петра III, а затем в коронации Павла I, за что был пожалован тысячью душ крестьян и званием сенатора. В 1798 г. Петр Степанович получает чин действительного тайного советника. В сентябре 1800 г. он был уволен со службы и удален из Петербурга, однако сразу же по восшествии на престол Александра I назначается в 1801 г. на должность главноначальствующего Экспедицией Кремлевского строения.

Ко времени назначения Валуева Экспедиция ведала строительством, ремонтом и эксплуатацией зданий в Кремле, а также всем дворцовым имуществом в Москве и Подмосковье. Предложенные Валуевым меры легли в основу высочайшего Указа от 10 мар-

та 1806 г. «О правилах управления и сохранения в порядке и целости в Мастерской и Оружейной палате ценностей», в соответствии с которым Мастерская и Оружейная палата получает статус музея. Одним из важнейших факторов преобразования древней сокровищницы в музей было строительство специального здания для палаты. 21 марта 1805 г. император Александр I подписал документ, разрешавший строительство новых апартаментов для хранения сокровищ, возведение которых продолжалось до 1810 г. По инициативе П.С. Валуева, в 1807 г. в свет выходит «Историческое описание древнего Российского музея, под названием Мастерской и Оружейной палаты, в Москве обретающегося», в котором впервые были опубликованы государственные регалии.

Важнейшим событием первого десятилетия деятельности музея стало составление сводной полной систематизированной Описи коллекции музея. Одной из важнейших задач, поставленных Валуевым при организации музея, было собирание вещей «развлеченных ранее» из палаты. Многократные настойчивые просьбы П.С. Валуева о возвращении из Кабинета Его Императорского Величества тех или иных вещей привели к тому, что 21 сентября 1809 г. Александр I распоряжается, чтобы вещи из рюст-камеры при Кабинете были переданы для хранения в Мастерскую и Оружейную палату, также в палату передаются вещи из коллекции Петра I.

Начавшаяся в 1812 г. война помешала осуществить планы по созданию первой экспозиции нового музея. В августе, за несколько недель до Бородинского сражения, начинается спешная подготовка к эвакуации. Руководит работой П.С. Валуев. К моменту вступления войск Наполеона в Москву сотрудники музея сумели упаковать ценности и скрытно вывезти их в Нижний Новгород. Оттуда весной 1813 г. через Владимир они были отправлены в Москву, куда благополучно прибыли летом того же года. После возвращения в Кремль началась распаковка и приведение вещей в порядок. Эта работа длилась до конца 1814 г. 4 июня 1814 г. Петр Степанович Валуев скончался.

Его сестра, Мария Степановна, была замужем за Александром Герасимовичем Жеребцовым.

Жизнь младшего брата, Алексея Степановича, была связана со Псковом. В 1789 г. он с отцом был внесен в VI часть родословной книги Псковской губернии и к началу XIX века имел чин статского советника. После смерти отца стал владельцем имения Жеребцово Островского уезда.

Алексей Степанович Валуев упоминается Леонтием Травинным как проситель за его утверждение секретарем Опочецкого нижнего земского суда, которое тот хотел получить, чтобы иметь права владения недвижимым имуществом (имением Павлихино). *«Поспешествовала просьба обо мне губернского предводителя Матфея Даниловича Чихачева, который также мало меня знал, а убежден был зятем своим Евграфом Савичем Нееловым, да и самые советники: Алексей Степанович Валуев, Александр Дмитриевич Яхонтов – клонили к утверждению меня, хотя и они нисколько не прошены, при всем том за основание поставляли представленные от меня, от дворянства два да от присутственных мест, где я при должности находился канцеляристом, четыре аттестата, считая, что оные довольно доказывают мое честное поведение».*

Валуевы имели каменный дом в Пскове. В 1787 г. жена надворного советника Алексея Степановича Валуева, Марфа Петровна, урожденная Ломакова, просит разрешения возвести в приходе Анастасиевской церкви на наследственном ее месте деревянный на каменном фундаменте дом. То есть дом строился на наследственном месте Ломаковых. Чуть позднее на этом месте построен каменный дом.

Согласно описанию 1838 г., дом представлял собой каменную двухэтажную постройку, с мезонином и центральной частью. В главном доме насчитывалось около 30 помещений различного назначения. Второй этаж использовался на случай приезда гостей.

План урегулирования застройки Пскова, утвержденный в 1778 г., обязывал размещать вновь возводимые здания вдоль красной линии улиц, усадьба Валуевых нарушает все эти правила. Въезд на территорию усадьбы располагался со стороны церкви Анастасии Римлянки, попасть на двор можно только проехав между двумя флигелями, в которых размещались

службы конюшня и сарай. За ними на парадном дворе стоял барский дом. Главный фасад обращен был в сторону большого сада, что редко встречалось в городской застройке.

Сад считался одним из лучших в городе. Из окна дома на горке открывался вид на церкви Василия на Горке, Николы со Усохи, Троицкий собор.

В 1832 г. дом Валуевых упоминается как один из лучших в городе, способный *«в случае необходимости служить временною квартирою при высочайших путешествиях Императорской фамилии, ибо у жителей Пскова, по бедности их, решительно нет ни одного порядочного дома, устроенного в приличном вкусе».*

С 1831 г. дом сдается для жительства псковского губернатора А.Н. Пещурова. В доме Валуевых губернатор разместился на жительство и здесь же обосновалась его канцелярия. С этого времени дом стали называть Губернаторским. В 1838 г. дом покупают в казну у Александра Алексеевича Валуева за 40 тысяч рублей. Дом сохранился.

Последний раз Алексей Степанович упоминается в документах на 1805 г.; на 1809 г. владельцем дома в Пскове называется Марфа Петровна Валуева. Вероятно, в этот промежуток времени он скончался.

В 1816 по 1825 г. Марфа Петровна принимает активное участие в жизни Вознесенского девичьего монастыря, расположенного недалеко от ее городской усадьбы.

В 1817 г. она пожертвовала 15 тысяч рублей ассигнациями на строительство храма Рождества Богородицы в монастыре. Позднее сделала значительный вклад в банк на счет этого монастыря для вечного обращения из процентов в пользу последнего, подарила монастырю икону Успения Богородицы в серебряном с позолотой окладе и бриллианты на ризу иконы Владимирской Божьей матери.

С 1830-х г. имя Марфы Валуевой исчезает со страниц документов.

Марфа Петровна владела в Псковском, Островском, Опочецком уездах Псковской губернии и Гдовском уезде Санкт-Петербургской губернии различными имениями, с которых получала до 6 тысяч рублей годового дохода.

Продолжение следует

Андрей НЕСТЕРОВ

История храмов

«Красили сию церковь...»

Окончание.

Начало в №№ 1–4

Кем были эти двадцать безымянных героев, спасавших в духовно опустевшем краю веру и храм?

Многие (особенно те, кто настроен снобистски в отношении жителей русской провинции и деревни) хотели бы услышать в ответ на этот вопрос что-то типа: «Да обычные миряне, труженики земли, просто прихожане церкви... Разве что, может быть, чуть более упёртые, чем остальные»...

О, нет, читатель и современник! Это были поистине выдающиеся личности. Других там не было, не могло быть.

В фронтовых письмах моего дедушки Степана Николаевича я ощутил атмосферу, царившую в «двадцатке». У меня сложилось впечатление, что в этом творческом коллективе никогда не было ни раздоров, ни ссор, ни грубых слов.

Удивительно, но в «двадцатке» жили и мыслили все, как один, поскольку были тесно и глубинно объединены единым Духом. Среди них, уверен, пребывал незримо сам Учитель. Ведь Он сказал: «Ибо, где двое или трое собраны во Имя моё, там Я посреди них» (*Ммф. 18 : 20*).

Мой дедушка (42-х летний; я, внук, старше его на 20 лет) в каждом своём письме с передовой справлялся: «А как в Теребеньях?», «Что нового у Теребенских?» И слал с фронта «треугольники» не только своей семье, в Попову гору, но и в Теребени, дорогим его сердцу соратникам по духовной борьбе.

В письме от 19.01.1945 г. Степан Николаевич сообщает не без гордости за нашу армию:

«Нахожусь я в Польше, в действующей доблестной армии, в артиллерийской бригаде. Наступление на фашистов мы начали 14 января, и пока всё было удачно и благополучно. Первое боевое дело мне пришлось начать в новый год. И по сие время продвигаемся вперёд с целью овладеть Берлином» (см. примечание № 4).

В этом письме, как и в каждом, да-

леко ушедший на запад солдат интересуется делами любимой «двадцатки»: «Пусть чиркнут мне Теребенские, как у них ДЕЛО. Одним словом, они найдут, что написать. Как чувствует себя отец Модест и ВСЕ НАШИ ТРУЖЕНИКИ?»

Н.Я. НИКОЛАЕВА

Все письма тогда проходили цензуру. Потому эпистолярный стиль обыкновенно был метафоричен, понятен только своим. Так что, когда Степан Николаевич справляется о самочувствии «батюшки» священника Модеста Павловича Лаврова, вместе с которым теребенские верующие пережили военное лихолетье, здесь надо читать между строк. Здесь присутствует беспокойство за судьбу священника... (Примечание № 5).

А это слово «труженики» в отношении к участникам двадцатки? Думаю, так они называли себя самих. А свою борьбу за храм и веру – «Делом».

Неизменно Степан Николаевич употребляет слово «Теребенские» с прописной буквы. Это, несомненно, знак огромного уважения к трудовому коллективу хранителей Теребенского храма.

И поистине духовным благословением звучат строки его последнего письма... «Приветствую вас всех, всех, имеющих единый Дух. И желаю великой милости Божией во все дни нашей скорбной жизни!»

Да, были эти двадцать человек истинно верующими, кристально честными, безукоризненно порядочными и лёгкими в общении с ближними. Они прошли по жизни под Богом и с Богом. И путь их был светел. И свет их, дарованный им Христом, до сей поры светит во тьме – всем нам.

Участников «двадцатки», о которых я знаю определённо, всего двое – это моя бабушка Наталья Яковлевна Николаева (1902–1990 гг.) и мой дедушка Степан Николаевич Николаев (1903–1945 гг.). Я мог бы написать о них много, но это будет несправедливо по отношению к остальным, о которых мы узнали разве что их имена.

Отец Модест. Это имя я слышал в детстве, когда бабушка с моим отцом вспоминали военные годы. И только в старости у меня возникло желание узнать, кто же он такой, этот священник, который пришёл в Теребенскую церковь в самое страшное время – в период немецко-фашистской оккупации.

Всё, что я помню из отзывов моих близких об этом священнике, так это только то, что воспоминания эти были согреты душевным теплом.

Как я понимаю теперь, «двадцатка» и батюшка сроднились, стали ближе, чем самые близкие на свете родные люди.

Модест Павлович Лавров родился 10 мая 1875 года в погосте Утретки в семье протоиерея Павла Александровича Лаврова. Сын пошёл по стопам отца, окончил Псковскую духовную семинарию, служил в Новоржевском районе, в Киеве, а в 1910 году вернулся на родину, переведён настоятелем Введенского храма в погост Утретки – сменил там своего отца.

От села Утретки до села Теребени около 20 километров. В 1941 году отцу Модесту уже 66 лет. И 66-летний священник отправляется из дому за двадцать вёрст пешком в Теребени, чтобы проводить там службу. Двадцать километров по оккупированной территории, где за каждым поворотом грозила реальная смерть.

Ведь «попов» не жаловали как ок-

купанты (хотя и не запрещали народу посещать церкви), так и некоторые партизаны.

Сколько священнослужителей было отправлено в гестапо – за связь с партизанами, сколько было расстреляно без суда и следствия теми же партизанами!... А пожилой священник неизменно совершал свой неблизкий и опасный путь.

На протяжении всех трёх лет оккупации он проводил службы и в Утретках, и в Теребених.

Думаю, едва ли представляется возможным, что без тайной связи с партизанским руководством отец Модест мог благополучно совершать свои дальние пешие походы...

После освобождения Псковщины в июле 1944 года отец Модест переводится в Теребени настоятелем храма, поскольку храм в Утретках был взорван немцами при отступлении. Но при этом он не бросает свой родной приход, продолжает обслуживать оба прихода. А ему уж на восьмой десяток: в 1945 году исполнилось 70...

С ноября 1947 года судьба о. Модеста связана с Санкт-Петербургской епархией, с городом на Неве. Батюшка продолжал церковное служение до 86-летнего возраста, при этом исполнял обязанности настоятеля Никольской Большеохтинской церкви.

Скончался Модест Павлович в 92 года (28 октября 1967 г.). Погребён на Большеохтинском кладбище.

С фотографии на чёрном гранитном обелиске в виде креста смотрит седой, но такой бодрый, не сломленный обстоятельствами, внутренне радостный, оптимистичный человек с пронзительным взором. Будто свет исходит от лица его...

Такими, думаю я, были и все они – герои теребенской «двадцатки».

На всех путях жизни, во всех страданиях и скорбях, в горе и в радости, во всякое время и на всяком месте эти двадцать настоящих людей исповедали христианскую веру и твёрдо знали, что всё на земле совершается по Промыслу Божьему.

Были они разными по возрасту, полу, ремеслу, образованию и по характеру, но одинаково были озарены их души – светом Божественной истины. Были они в быту приветливы и человеколюбивы в высшей степени, не питали склонности к тому, чтобы кого-то злословить, ехидничать, обсуждать чужие недостатки и грехи ближних своих и дальних – включая и высших должностных лиц, наделённых безмерной властью земной.

И как о семье своей, радели они о своей Родине, о России, о благоденствии Её.

Они были те светлые личности старого образца – из самой, что ни на есть, глубины русского народа, о которых великий русский поэт Сергей Есенин пропел с лёгкостью соловьиной: «На сердце лампадка, / А в сердце Иисус».

Эти двадцать служили Богу с великой радостью – смиренно и жертвенно.

Им выпало жить в страшные годы гонений на христиан. Стойко переносили они страдания за веру. Никакие бедствия не повергли их с духовной высоты, не заставили отречься от веры.

Будь моя воля, я установил бы у входа в спасённый храм мемориальный щит со словами:

«Героической церковной двадцатке, сохранившей в годы гонений на веру сей храм – от благодарных потомков. Да пребудут всегда в памяти народной скромные их имена – и те, что известны, и те, что пока неведомы нам.

Модест Павлович Лавров (священник церкви в 1941–1947 г.)

Михаил Павлович Дубровский

Анна Степановна (Лопатина)

Яков из деревни Зяблово

Матрёна Анисимова

Алексей Симеонович Бенедиктов

Людмила Егорова

Михаил Захаров

Иван Михайлович Иванов

Ольга Фроловна Королёва

Степан Николаевич Николаев

Наталья Яковлевна Николаева

Антонина Семёновна Фролова».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кое-кому волостные власти записали фамилию не по имени, а по прозвищу. Так крестьянин, прозванный за необщительность Барсуком, приобрёл фамилию Барсуков. А колкий ершистый по складу характера «Окунь» становился Окуновым. Наделяли фамилией и по ремеслу. Сельский кузнец имел шанс получить фамилию Кузнецов. Горшечник (гончар) мог стать Горшковым. Иной получал фамилию по месту, где проживал или родился. Так, мой добрый родственник по материнской линии Александр Александрович имел фамилию Щемелинский. Это фамилия его деда, родиной которого была деревня Щемелинки.

2. То, что в предвоенную эпоху не представляло особого труда взять себе звучную фамилию, мне доподлинно известно хотя бы по опыту моих старших родственников. Так, мой дедушка по матери, активист первых лет советской власти, один из создателей колхоза в деревне Полеи, Пётр Васильевич, при оформлении документов взял себе фамилию Кольцов – возможно, в честь известного русского поэта Алексея Кольцова, в своих стихах болевшего душой за крестьян. А мой двоюродный дядя – Леонид Иванович, происходивший из деревни Пузырьково, выбрал себе фамилию Крылов, возможно, из уважения к великому русскому баснописцу. Думается, не было особых препон и для Ольги Фроловой, пожавшей обзавестись яркой и запоминающейся фамилией.

3. В церковном календаре за 1941 год 12 апреля – Лазарева суббота, канун Вербного воскресенья (празднования Входа Господня в Иерусалим).

4. Из истории Великой Отечественной войны: 14 января 1945 года началась Варшавско-Познанская наступательная операция 1-го Белорусского фронта. 17 января освобождена Варшава. 19 января освобожден город Лодзь.

5. Биографические сведения о протииерее Модесте Павловиче Лаврове мне удалось почерпнуть в Сети на сайте «Церковный некрополь».

Опочка

2018–2019 гг.

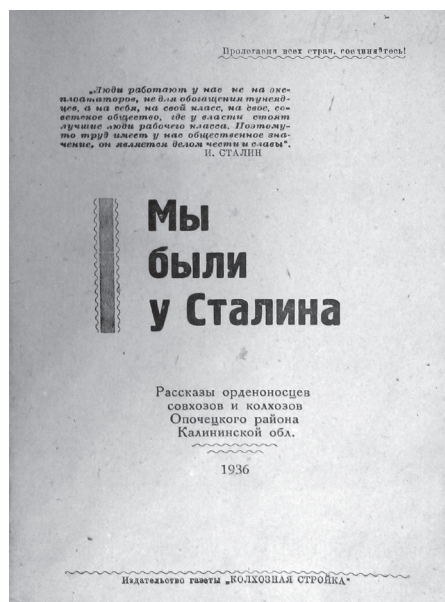
Александр ВЕРЕСИН

Мы были у Сталина

Рассказы орденоносцев совхозов и колхозов Опочецкого района Калининской области.

1936 год. Издательство газеты «Колхозная стройка»

Рассказ орденоносца совхоза «Красный фронтовик» Анны Ананьевны Ананьевой о тяжелом прошлом, прекрасном и радостном настоящем

1912 год. Весна.

В избе кулака дер. Кобылкино Полеевского сельсовета, Никитина Григория Никитича, ведется шумный разговор.

На столе, в чисто убранной горнице, стоит бутылка водки, закуски.

За столом, рядом с хозяином, в расстегнутой грязной, из домотканого полотна, холщовой рубашке его односельчанин Ананий Федоров. Он беспокойно ерзает по скамье, и, наклоняясь к Никитину, разгоряченно, заплетаясь языком кричит:

– Григорий Никитич! Дочку свою, Аннушку, я передаю тебе. Она в твоих руках. Ты теперь её хозяин. Делай с ней, что хочешь. Будет шалить или от работы отвиливать – повадки не давай и с жалобой ко мне не приходи. Сам расправляйся...

А я стою в кухне и плачу.

Как же это так, думаю: родной отец и ни одного ласкового слова.

«Ты, – говорит, – что хочешь, то и делай!»

Рассказывая о первом своем найме, вечная батрачка в прошлом, а теперь лучшая доярка, стахановка совхоза «Красный фронтовик», награжденная

орденом Трудового Красного Знамени, Ананьева Анна Ананьевна, отвернулась и стерла платком выступившие на глазах слезы.

Оправившись от смущения, улыбаясь, она попросила: «Вы меня простите, очень тяжело вспоминать»...

И тов. Ананьева рассказала о своей жизни, проклятой в прошлом и прекрасной, радостной в настоящем.

К нам в семью пришла вторая мать, когда мне было шесть месяцев. Жили мы бедно. Отец дома не работал. Летом он уезжал в Питер. Зимой нанимался к промышленникам ловить рыбу.

Месяцами безвыездно он проживал на озерах Черное, Велье, Мутишкино.

В дом деньги он редко привозил. Любил выпить. Приезжал всегда пьяный, злой.

Нас, сирот, было трое. Я самая младшая.

Грубо обращалась с нами мачеха. Била. Приходилось целыми днями просиживать без хлеба, голодными.

У неё скоро появились и свои дети.

Когда мне было 10 лет, в семье уже было семь ребят.

В это время отец и отдал меня в батраки, к местному кулаку Григорию Никитину.

Хозяйство у него было крупное. Одних коров он имел 20 голов, нетелей по 10 голов.

Зиму и лето они держали четырех батраков.

Первые три года я и еще одна работница ухаживали за коровами, а остальные шесть лет все я делала одна.

Встанешь, бываю в пять часов утра, всех коров подоишь и гонишь их на пастбище. В обед вторая дойка, вечером третья. Как проклятая работала я изо дня в день, с утра до поздней ночи. Наломалась себе руки,

измучаешься, что и ночи не уснуть.

Зимой работы не меньше было. Встанешь чуть свет. Подоишь коров. Переносишь молоко в подвал. Потом печи топить, носить воду, помогаешь хозяйкам готовить обед.

Так измалась за день – на свет смотреть тошно.

– Вы только подумайте, – улыбаясь, говорит товарищ Ананьева. – Семья у Никитина была большая, 12 человек. Садятся они обедать. В сторонке посадят и меня. «Квасу!» – требует хозяин. Принесешь. Напьется. «Принеси-ка и мне», – скажет кто-либо... И начнется: «И мне, и мне!..» Закричат несколько человек сразу. Носишь, носишь...

Их 12 человек. Каждому по две кружки. Двадцать четыре раза сходить надо!

Честное слово, коров поить легче было!

Обедали отдельно. Для хозяйской семьи все было: мясо, масло, пироги всякие. Мы же, батраки, придем с работы, посадят нас в кухне, дадут жидкого, постного супу, да по кусочку хлеба, и все!

А что платили мне?

Как сейчас помню, первые два года отец меня отдавал за 4 рубля. Работать же я должна была от Пасхи (апрель) до Покрова дня (октябрь). Правда, последние три года заработок мой увеличился, но больше 30 рублей за целый год я не получала.

Какие это деньги: ведь до 20 лет у меня никогда не было на руках больше рубля.

Отдыха не было. Праздник. Девчата, парни – все нарядные, песни поют, гуляют, а я работаю. Обидно становилось. Посмотришь, иная хромая, криворотая, чахлая гуляет, веселится, ей хорошо.

Почему? Богатая – потому!

У моего хозяина Никитина была

дочь Антонина Григорьевна. Мы с ней однолетки.

Зайдешь это к ней, а она убирается, платья, наряды всякие примеряет. Посмотришь на неё, на наряды, от которых глаза разбегаются, горестно станет, слезы на глазах навернутся. Злобно становилось. «Как же это так? — думаю. — Я работаю, а она сидит, ничего не делает, и все у неё есть».

За 9 лет жизни у Никитиных один раз я убежала на гулянку. Пришел хозяин, сразу прогнал меня обратно. Дома за это он так меня начал бить, что я на коленях выпросила прощения. Больше никуда не ходила. Боялась.

Вот сейчас, скажем, в нашем совхозе, ведь куда ни посмотришь, и все учатся: дети, молодежь. Да и мы, старые работники, не отстаем: и технику ухода за коровами изучаем, в общеобразовательную школу ходим. А ведь раньше само слово то «учеба» мне никто не говорил. Была неграмотная, и как будто так и надо было.

Изменилась моя жизнь при Советской власти. Правда, в первые годы пришлось работать в батраках, домашней работницей. Но жизнь уже была другой. Батрацкие комитеты были. С хозяином я договора заключала. Выходные дни, отпуска давали. Работала один год в совхозе «Основа». А три года назад поступила я в совхоз «Красный фронтовик» на скотный двор. Два месяца была подменной. За коровами ухаживать я умела. Работала, работала, а однажды и говорю заведующему: дайте мне группу! Мне группу дали. С этих пор и началась моя настоящая жизнь!

В моей группе было 24 коровы. Надаивала я от них первое время по 35–50 литров молока в день. Стала присматриваться, изучать привычки каждой коровы, понемножку приучать к себе. А ведь коровы мои неплохи. Взялась раздаивать.

И что же вы скажете, через два месяца от этих коров я стала надаивать по 120–150 литров в день. Корова Парижанка давала по пять литров молока в день. У меня она стала давать по 20 литров. Эта корова сейчас одна из лучших в совхозе. Цыганка была самая плохая корова. Всегда она была

худенькая, грязная. Молока давала по четыре литра. Я её раздоила. В день она уже стала давать по 18 литров.

Или вот корова Сморода, она почти не давала молока — 4 литра! Больше от неё никто не надаивал. У меня она стала давать по 18 литров.

А.А. АНАНЬЕВА

Меня хвалили на собраниях, ставили в пример другим. Выдали премию. Я радовалась! Месяцев через десять заведующий дал мне новую группу. Коровы были лучше первых. Молока все же давали мало, 70 литров в день — был самый лучший удой группы. Коровы были в плохих руках. Приступила к работе. Год я работала на второй группе. За это время мои коровы стали давать молока не по 70 литров в день, а по 300 литров! Корова Монета стояла на участке Варыгино. Там она давала молока по 5 литров в день. У меня же она стала давать по 30 литров. Такие коровы как Смолянка, Агата, Огнесса, Бройко, Люба стали давать молока вместо 4–6 литров по 23–30 литров.

На скотном дворе была красивая, хорошая корова Гражданка. За ней ухаживала доярка Осипова Нина (эту доярку потом выгнали из совхоза. Она оказалась дочерью кулака). Хорошая корова, а молока давала мало, 3 литра, а самое многое пять. «Не молочная корова, — везде кричала Осипова, — зря корма губили. Её надо сдать на мясо».

Посмотрела я эту корову, подумала. Прихожу к заведующему и говорю: «Дайте мне Гражданку, Осипова врет. Эта корова хорошая». Взяла. Ну и оказалось, что она просто была запу-

щена. У меня стала давать по 31 литру молока в день.

В начале прошлого года мне отобрали новых коров. Половина коров числилась в первом классе, а половина во втором. В октябре месяце наш техник тов. Осетров всех их зачислил в первый класс.

6 коров этой группы я раздоила, перевела из второго в первый класс. Среди них такие коровы как Бунтарка, Аврора и другие. Помню случай с Бунтаркой. Дня через три после того, как я стала на эту группу, подходит ко мне наша бывшая техник-животновод Соколова и говорит: «Товарищ Ананьева! У тебя все коровы хорошие, а вот Бунтарка плохая. Давай мы её заменим. Я дам тебе хорошую корову, а эту поставим в группу третьего класса. Посмотри, — говорит, — у неё даже и вид не коровы, а быка». Я не согласилась.

Нет, думаю, не отдам. Подержу у себя, попробую. Начала раздаивать. Правда, тяжело было, но все-таки я все раздоила. Теперь этот «бык» дает по 25 литров в день молока. А молоко от неё густое, жирное!

Я теперь твердо убедились, что нет на свете плохих коров. Любая «плохая» корова, если за ней умело, добросовестно ухаживать, правильно кормить, обязательно станет хорошей.

У нас некоторые доярки всем коровам корма дают поровну. Это неправильно. Корма надо всегда давать согласно живого веса и удою коровы. Я, например Бирюзе даю по 5 кг отрубей или жмыха. Авроре по 4 кг, а иным только по три. Ведь Бирюза дает по 30 литров, Аврора же по 26 литров. Вот поить коров надо вдоволь. Корова никогда не обопьется.

Главное в уходе за выменем — это массажирование. Я всегда массирую вымя за одну дойку два раза. Первый раз, когда приступаю к дойке и второй раз после дойки. После второго массажирования, я корову поддаиваю. Как ты чисто ни выдоишь корову, а после второго массажирования она отдаст еще один-два стакана молока.

За сосками коровы также необходимо следить внимательно и умело ухаживать. Перед дойкой соски надо обмыть теплой, чистой водой, а потом аккуратно, насухо обтереть полотенцем. После дойки соски надо смазывать вазелином.

Доить коров, конечно надо кулаком.

Раздаивать корову всегда легче, если за ней станешь правильно ухаживать сразу же после отела. Я вот поступаю так: первый месяц дою коров по 6–7 раз в день. Потом постепенно перехожу на трехкратную дойку. Это очень важно.

Если плохо следить за коровой в первые дни после отела, то у ней не только удои упадут, но и (что самое страшное) может испортиться вымя.

С коровой надо обращаться особенно вежливо. Нельзя толкать животное, кричать на него.

Вот у меня 3 коровы: Бирюза, Пестреха и Ворона. Идет дойка. Услышат они чужой, грубый голос и тогда уже не отдают молока.

А Бунтарка часто меня из терпения выводит. Она любит, чтобы её ласкали, называли «милочка», «хорошенькая». Зазываешь их с прогулки в станки, все коровы идут, идет и Бунтарка. Скажешь: «Ну, иди, иди милочка», – зайдет в станок. Скажешь: «Иди, бес», – повернется и уйдет обратно во двор.

При чистке (а чистить надо обязательно) и то к каждой корове надо подходить внимательно. Чистить надо не спеша, аккуратно. Каждый день, в одни и те же часы корова должна быть на прогулке, за которой надо строго следить – и обязательно самой доярке.

Удой коровы зависит от человека, от доярки. В этом меня никто не разубедит. Вот еще пример с бывшими моими коровами Агатой и Огнессой. Их в прошлом году передали в совхоз «Крулихино». 14 марта я и тов. Бумбург ездили к ним в гости. После собрания подходит ко мне техник-животновод и говорит: «Товарищ Ананьева! Вы коров Огнессу и Агату знаете? Они ведь с вашего совхоза?» – «Да это же мои коровы, – говорю, – они у меня давали по 25 литров молока в день. А как они у вас?» – «Да у нас они, тов. Ананьева, мало молока дают. По 6–7 литров в день». Этот разговор у нас был вечером. Утром я пошла посмотреть на своих коров. Интересно все-таки. Приходим. Ну и что же. На дворе грязно, коровы нечистые, худые. <...>

Жизнь в совхозе изменила лицо багрячки.

Анна Ананьева выучилась читать,

писать, хорошо изучила технику ухода за коровами.

В сентябре 1935 года она поступила в группу сочувствующих ВКП(б). Не сидит теперь Ананьева молча. Вносит предложения, ругает рабочих и руководителей совхоза за беспорядки, заботится о хозяйстве, бережет государственное добро.

Тов. Ананьева редко выезжала из совхоза. Она и не мечтала выезжать. Совхоз стал её родным домом и семьей. Жизнью была довольна. Зарплату получала приличную 200–250 рублей в месяц. Уважение, почет был везде. В 1936 году нарушилась обычная жизнь, «сломался» её твердо установленный порядок. Началось с того, что 5 февраля её послали на областное совещание по животноводству в гор. Калинин. 8 февраля Ананьеву, как лучшую доярку вызвали в Москву.

Москва! Сердце пролетарской революции.

– Не могу рассказать своими словами всего, что я видела и слышала в Москве, – с дрожью в голосе рассказывает Анна Ананьева. Вы знаете, я первые дни даже не верила. Думала, что сон. Ехали мы с колхозником Александровым. Приехали в Великие Луки, потом в Калинин. И везде нас встречали с радостью. Заботились о нас. Ухаживали, как за детьми.

12 февраля. Утро. «Москва!» – сообщает нам проводник. Замерло у меня сердце. Соседи говорят, что руководителей всего Союза увидим, Сталин будет. Раньше часто я перед его портретом стояла. Смотрела. Непонятно почему-то на простых людей казался он мне.

На автобусе нас привезли с вокзала в гостиницу «Европа».

13 февраля поехали в Кремль. В зале, где собрались, было много народа. Да все доярки, свиноводы, простые рабочие. Никогда я не видела столько людей.

И вдруг шум, крики, громовые раскаты рукоплесканий.

Опомнилась. Смотрю, на возвышенность входят они, родные, которых я видела только по книгам и портретам: Сталин, Ворошилов, Калинин, Микоян. Заходят, улыбаются. Зал притих. Секунда и снова возгласы, шум, громкие раскаты. Все они наши отцы, наши любимцы. Садятся. Радостные, довольные, веселые.

13 февраля – понедельник – первая встреча с вождем. Это самый лучший, самый радостный день в моей жизни. Век свой буду помнить об этом дне.

Великий Сталин! Я его близко-близко видела. Если бы знали, какой он простой. Шутит, разговаривает понятно. А кто из нас заговорит, он внимательно слушает.

На совещании говорили о работе доярки, свиноводов, конюхов.

Слушала я и думала, что еще много лучше можно работать.

Там доярки рассказывали о том, как они надоили по десять тысяч литров от каждой коровы. И я им верю. Было бы желание – добиться всего можно.

Я взяла обязательство надоить по 1000 (4000?) литров молока от своих 18 коров.

И это мало! Можно получить, и я буду стараться еще больше. В Москве нас пригласил к себе наш нарком, товарищ Анастас Иванович Микоян, фотографироваться вместе.

Сидим это мы, Анастас Иванович подходит и говорит: «Ну, где здесь доярки из совхоза «Красный фронтвик», я с ними стоять хочу».

Подошел и стал между нами, смеется.

Вот я, как между цветов. Потом спросил нас подробно, как мы живем, как учимся. Мы рассказали и пригласили к себе в гости. «Ну ладно, – говорит, – ждите. Приеду».

Вот и у меня орден. Его выдал мне Михаил Иванович Калинин.

Вызвали мое имя. Встала. Подхожу к столу. Руки дрожат. Волнуюсь. Передал мне орден Михаил Иванович. А потом, улыбаясь, взял мою руку и крепко пожал её.

«Поздравляю, – говорит, – тебя, тов. Ананьева, с высокой наградой. Иди. Работай. Живи счастливо!»

Всю свою жизнь я буду бороться за то, чтобы оправдать данную мне великую награду.

Всю свою жизнь буду благодарить нашу партию, наше правительство, нашего родного, великого из великих людей тов. Сталина Иосифа Виссарионовича за то, что он дал нам всем забытым, угнетенным хорошую, зажиточную и радостную жизнь!

Подготовил

Александр КОНДРАТЕНЯ

Книги об Опочке

Великая Отечественная война и Опочка

В.П. ПАРАМОНОВ

В дни празднования 75-летия Великой Победы более чем

уместно вспомнить о достаточно объёмной книге «Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в цифрах и фактах», включающей в себя более 300 страниц.

Она вышла в свет в псковском издательстве «Логос» в 2019 году; написал её (и издал тиражом 60 экземпляров за свой счёт) опочецкий ветеран войны и труда, заслуженный учитель школы РСФСР Виктор Павлович ПАРАМОНОВ, удостоенный орденов Ленина, «Знак Почёта» и Отечественной войны 1-й степени, не считая других правительственных наград.

Работая над книгой, автор использовал сведения из сорока литературных, заявленных документальными источниками и собственные воспоминания.

Вполне возможно, что знакомство с этим трудом побудит читателя к дальнейшему изучению обозначенной в названии книги темы.

Конечно, нет оснований заведомо подозревать в недобросовестности тех исследователей, которые уже занимались темой Великой Отечественной войны и из чьих трудов черпал цифры и фак-

ты для своей книги В.П. Парамонов.

Но ни в коем случае нельзя не учитывать тот факт, что автор имеет вполне определенные политические взгляды и отбирал источники для своей книги в соответствии с этими взглядами.

Не стоит забывать также, что до сего времени архивы военных лет ещё не открыты полностью. Огромный массив документов остаётся вне поля зрения отечественных историков.

Поэтому, думается, ничего категорически сейчас утверждать нельзя. Военные реалии были, видимо, далеко не всегда такими, как об этом писали и пишут российские исследователи.

Поэтому и сведения, приводимые в книге «Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в цифрах и фактах», требуют взвешенного подхода. Не будет лишним при её чтении привлекать дополнительно какие-то параллельные источники информации.

го труда автор обращался не только к собственным воспоминаниям, но и к информации, полученной от бывшего сержанта, командира танка Рашита Фатиховича Фатихова, от опочецкого краеведа А.Ш. Агурьевского, от исследователя С.А. Алексева, много и плодотворно работавшего в Центральном архиве Министерства обороны в Подольске.

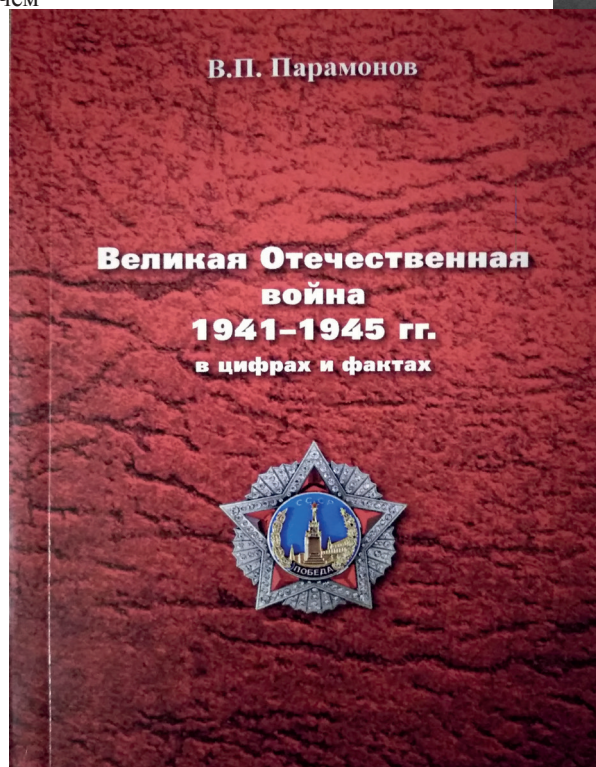
В.П. ПАРАМОНОВ
в 1941 г.

Нельзя оставить за кадром также то, что В.П. Парамонов, родившийся 17 февраля 1926 г., в 1943–1944 гг. был партизаном и о партизанском движении в годы Великой Отечественной войны знает не понаслышке.

Названия глав на с. 324–325 подскажут читателю, где именно автор ведёт речь об Опочке и Опочечком районе.

Это разделы «Первые месяцы войны на Северо-Западе. Военные события в Опочечком районе» (с. 13–20), «Уроженец Опочечкого района М.П. Павлов – участник боёв под Вязьмой» (с. 35–36), «Истребительные батальоны и партизанское движение» (с. 84–87) и «Потери Советского Союза в Великой Отечественной войне» (с. 136–137).

Марина ЯКОВАЛЕВА

Опочечкому читателю, естественно, более всего интересны те страницы книги В.П. Парамонова, где речь идёт непосредственно об Опочке и Опочечком районе.

При написании этой части свое-

«Люблю я чайки крик призывный...»

Так написал о чайках поэт Георгий Атласов. Вполне возможно, его действительно не раздражают пронзительные крики этих птиц, которые по утрам кружатся над городскими дворами, высматривая поживу.

Озерная чайка в летнем наряде

У нас в Опочке озёрных чаек тоже немало, но в опочечских дворах их, как правило, не видно. Они держатся по отношению к человеку насторожённо, хотя во время вспашки на полях трактор сопровождают целые стаи чаек.

В полевом определителе «Водоплавающие и околоводные птицы Псковской области» (авторы С. Тимофеев и О. Шемякина) об озёрной чайке сказано:

«Немного меньше вороны. Голова темно-коричневая, издали кажется чёрной. <...> Обычна. Селится на самых разных водоёмах в равнинной местности, на труднодоступных мелководьях, заросших осокой и тростником, сплавинах и островах».

Озерная чайка в зимнем наряде

Добавлю к этому, что к зиме озёрная чайка меняет цвет. Тёмно-коричневая маска у неё исчезает, голова белеет, клюв и ноги светлеют, становятся красно-оранжевыми.

Гнездятся ли чайки на Великой в границах Опочки, я сказать не могу. Но вот в гнездовой сезон 2016 года большая колония озёрных чаек и речных крачек обосновалась на лесном озере Перерослом, хорошо известном многим опочанам. Это озеро пересекает (не полностью) гряда, поросшая хилым сосняком. На этой гряде и поселились

тем летом птицы, и над озером целыми днями висел неутомляющий пронзительный птичий крик.

Постоянные посетители пляжа на Перерослом отмечали, что никогда прежде здесь чайки и крачки не гнездились.

Летом следующего года и позднее этих птиц здесь уже не было.

Речная крачка, как сказано в упомянутом выше определителе, размером с дрозда. Туловище белое, с легким сизым налётом, мантия светло-сизая, шапочка чёрная. Хвост длинный, с глубокой вырезкой.

Селится с птицами других видов (что, кстати, и наблюдалось на Перерослом). Основной способ охоты речных крачек – поисковый полёт на высоте нескольких метров над водой, временами – зависание, пикирование и нырки до полного погружения в воду.

В мае 2014 года я увидела на крыше дома № 11 по улице Ленина в Опочке пару серебристых чаек, которых много в Пскове. О них авторы полевого определителя сообщили, в частности, следующее:

«Некоторое количество серебристых чаек обитает на суше, в городах».

Однако в Опочке эти заметные птицы (их длина 56–60 см)

мне на глаза больше не попадались. Гнездились ли в нашем городе увиденная мной пара, я не знаю.

Отличается серебристая чайка от озёрной не только оперением и более крупными размерами, но и цветом ног (у взрослых особей – телесно-розовый) и клюва – он у этой птицы желтый, с красным пятном.

Марина ЯКОВЛЕВА